

БОРИС КОРЧЕВНИКОВ

t.me/boriskorchevnikov

генеральный директор
телеканала «Спас»

**СУД МЕЖДУ
ЕВРОПОЙ И ХРИСТОМ**

**ПЕТР – ХРИСТИАНИН
ИЛИ «АНТИХРИСТ»?**

**ПРОРОЧЕСТВО
О ГОЛГОФЕ РОССИИ**

**ПАДЕНИЕ ЦАРЬ-КОЛОКОЛА
И СТРАНЫ**

МИССИЯ РОССИИ

**В ПОИСКАХ
РУССКОЙ
ИДЕИ**

СПАС
ТЕЛЕКАНАЛ

Борис Корчевников и телеканал
Спас. Совместный книжный проект

Борис Корчевников
**Миссия России. В
поисках русской идеи**

«ЭКСМО»

2023

УДК 94(470):271.2

ББК 63.3(2):86.372

Корчевников Б. В.

Миссия России. В поисках русской идеи / Б. В. Корчевников — «Эксмо», 2023 — (Борис Корчевников и телеканал Спас. Совместный книжный проект)

ISBN 978-5-04-184303-8

С библейской закономерностью в каждом эпизоде тысячелетней русской хроники отражалось главное правило, завещанное нам Самим Христом: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Эти слова – главная тема новой книги Бориса Корчевникова – известного телеведущего и генерального директора телеканала «Спас». В ней отражены важные вехи российской истории, преломленные через глубокие вопросы веры и учение святых отцов церкви. Как Россия обретала, теряла и снова находила свой истинный Путь. Как откликалась на главные вызовы Запада и Востока, и строила свою уникальную историю. В XVIII и XIX веках страна пережила шоковые реформы и эпоху дворцовых переворотов, «просвещенный абсолютизм» Екатерины II и соблазн Французской революции, вела тяжелейшие войны, начала притеснения Церкви, которые будут перерастать в гонения, но даже они не остановят возложенную на страну Богом миссию объединения в своих границах народов и проповедь им Христа. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(470):271.2

ББК 63.3(2):86.372

ISBN 978-5-04-184303-8

© Корчевников Б. В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Петр I – христианин или антихрист?	10
Петр I и святой Митрофан Воронежский	12
Святой Александр Невский – покровитель новой столицы	12
Богу – и богово и кесарево	13
Духовная революция Петра	14
Анна Монс и Евдокия Лопухина: две женщины юности	19
Петра	
Рост страны и святой Иннокентий Иркутский	20
Раскол духовный ведет к расколу государства	22
Смерть императора	23
Промыслительность петровских преобразований	25
Жития святого митрополита Дмитрия Ростовского –	26
реквием по угасающей русской святости	
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Борис Корчевников

Миссия России. В поисках русской идеи

Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский.
Святой Иоанн Кронштадтский

В оформлении обложки использована фотография: Stanislav Samoylik / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: ILIA BLIZNYUK, forden,
Roman Evgenev, John_Silver / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Б. В. Корчевников, текст, 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие

В книгах «Имя России» и «Время России» мы уже прожили восемь веков русской истории, стараясь увидеть в каждом ее событии работу духовных законов. Поняв их, можно понять, чего от России и от нас нынешних хочет Бог.

С железной библейской закономерностью в каждом эпизоде тысячелетней русской хроники отражалось главное правило, завещанное нам Самим Христом: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Когда Россия «искала прежде Царствия Божия», то все «прикладывалось»: страна переживала пору благоденствия, благополучия и лучшие страницы своей истории. Когда Россия искала или начинала слишком ретиво строить царство земное, холодея к Небесному, неизбежно следовали смуты, потрясения, войны, крах – в итоге и на земле у России не выходило ничего путного, когда она забывала о Небе.

Так в нашей истории, как в зеркале, отразился вечный библейский закон. Ровно так же Господь управлял своим избранным народом: когда евреи «ходили перед Богом» и славили его, их царство процветало, а когда евреи начинали «делать неугодное пред Богом» и забывать Его, они теряли свое царство, свободу, а часто – и жизни.

Духовный пик всей нашей истории был достигнут в XVI и XVII веках, когда Россия находилась в каком-то не достигаемом ни до того, ни после религиозном, созерцательном напряжении и полноводной, многоцветной, радостной сложности богообщения, за которыми неизбежно следовал и расцвет материальной, демографической, военной, территориальной, экономической и культурной мощи страны. После этого мы подошли, наверное, к самой драматической нашей поре: к эпохе петровской духовной революции.

Не поняв, что произошло в духовном смысле с нашей страной в XVIII и XIX столетиях, мы никогда не сумеем понять и причины катастрофы русской революции XX века, и нас нынешних.

Начавшись с петровского вторжения в жизнь Церкви и подчинения ее государству, постепенное охлаждение к вере начнет накрывать Россию. Страна перестанет ценить вверенный ей дар – быть хранительницей православия, знания о Боге и о том, как с Ним разговаривать. На это наложились и упрямая вестернизация жизни, подражательность Западу, повальное увлечение приходящими оттуда новыми безбожными поветриями и учениями, и одновременно усиливающийся раскол внутри страны между теряющими корни элитами и все еще ревностно дорожающим своими корнями простым народом.

Все это за двести с небольшим лет надломит Русское государство, но перед этим даст ему пережить и мучительные потери себя, и триумфальные возвращения к себе.

Никогда русская мысль не жила, наверное, так напряженно в поисках самоидентификации, как в эти два века. Это легко объяснимо: искать русскую идею мы стали тогда, когда страну попытались лишить всего русского. Закономерно в нашей истории и то, что потеря Россией себя и понимания, кто мы и зачем, происходит тогда же, когда Россия теряет Бога.

В третьем томе серии мы пройдем путем этих потерь и поисков: почему после Петровских реформ, которые принято восхвалять, Русское государство на десятилетия погрузилось в безбожную русофобскую тьму, в которой сгнил петровский флот, а лучшие русские люди подвергались репрессиям?

Кричащим символом этого предательства Россией самой себя стало падение Царь-колокола – мощного образа русской государственности и смысла нашего существования на планете.

Как почти все эти два века Россия колебалась от восхищения западными учителями и нравами до усталости от них? Почему, несмотря на чудовищные незаконные запреты канонизаций, монашества, отшельничества, юродства, «чудес», святых источников и всего того, что является живым телом и признаками полнокровной духовной жизни Церкви, русская святость

все же не угасала? Святые Дмитрий Ростовский, Иоасаф Белгородский, Иннокентий Иркутский, Иоанн Русский, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Павел Таганрогский, Герман Аляскинский, Филарет (Дроздов), Николай Японский, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадский – это только малая видимая часть неугасающей русской святости нынешней поры.

Почему Господь позволял оказываться на русском троне самым нерусским по духу правителям? И почему ненациональная по сути, а часто и откровенно русофобская политика приводила к удару по Церкви и к непосильным вызовам и ошибкам страны, а политика национальная, патриотическая и далекая от либеральных идеалов приводила Россию к расцвету? Эту закономерность за двести последних лет Российской империи мы увидим много-много раз.

Как вышло, что наши правители, признанные в веках великими, – Петр I, Екатерина II – откровенно гнали Церковь? Почему Господь попускал это? Как эти гонения и оскудения духа влияли на нашу материальную внешнюю жизнь? И почему Господь в эту сложную, очень пеструю, надрывную и часто богоотступническую пору нашей истории все же даровал России и «золотой век» нашей культуры, и пик нашей мировой мощи? Может быть, для того, чтобы созданного за эти века задела духовной и материальной крепости хватило пережить русскую катастрофу XX века?

Часть первая XVIII век Окно в Европу?

Глава 1 Пророчество о Голгофе России

Небольшой соловецкий остров Анзер. На этом участке русской земли будто сконцентрировалась вся история России предстоящих трех столетий – в пророчестве о них.

В первый год нового, XVIII века сюда, на Соловки, отправляют в ссылку московского священника, еще вчера – духовника самого царя, отца Иоанна. Пострадал батюшка за обычное выполнение священнического долга: за то, что не раскрыл тайну исповеди. Это очень показательно для начавшейся петровской поры, когда царство земное стало будто выше и важнее Царства Небесного – а значит, ради пользы земных дел можно и церковными пренебречь¹, например, нарушить тайну исповеди!

На острове Анзер отец Иоанн принял постриг с именем Иов – в честь Иова Многострадального. По навету его хотели наказать суровой схимой на одном из отдаленных островов, но наказания из этого не вышло – бывший царский духовник и сам давно стремился к иночеству и даже в миру вел монашеский образ жизни. В схиме у него будет имя Иисус – в честь Иисуса Навина.

¹ Дойдет до того, что в 1722 году выйдет указ «Об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств». То есть нарушение тайны исповеди уже будет жестко караться!

За аскетичную жизнь его прозовут потом еще и Постником.

В определенный момент его жизни здесь, на острове, к нему является Богородица вместе с преподобным Елеазаром, который когда-то здесь же, на соловецком Анзере, начинал свои подвиги. Богородица говорит старцу:

«Сия гора отныне нарицается второю Голгофою. На ней будет Церковь во имя распятия Сына Моего и Бога, устроится скит и наречется Распятским».

Спустя 200 лет только станет понятно, о чем пророчествовала Божия Мать: о будущей Голгофе всей России, самым страшным символом которой станет именно эта анзерская гора. Через два века на этом острове будут казнены многие архиереи, священники и миряне. В 30-х годах XX века в Соловецком концлагере Голгофский скит станет местом самого строгого заключения, местом исповедничества и мученичества. Кричащим чудом здесь выросла береза в виде распятия.

Все это открылось монаху, бывшему духовнику царя, именно сейчас, в начале XVIII века, когда в истории страны и в ее духовной жизни произойдет тектонический сдвиг – и следующая за ним цепочка событий выведет к крушению страны в XX веке.

Вот как все начиналось.

Петр I – христианин или антихрист?

Помните кадры черно-белой советской хроники, на которых представлены послереволюционные антирелигиозные парады? Вот в процессии кто-то в облачении священника с кадилом издевается над клиром, тут же рядом – актеры в нарядах чертей, карикатурные «попы». Что-то похожее вытворял царь Петр еще за 200 лет до того. Сразу по своему воцарении он начинает проводить регулярные «шутейные соборы» – настоящие вакханалии, на которых вместе с приближенными насмеяется над всем, что свято.

На Яузском острове близ села Преображенское когда-то стояла потешная крепость Пресбург. Она и стала резиденцией «шутейного собора». Все, что творилось на этих «соборах», – умело срежиссированная глумливая пародия на Церковь, Ее иерархию, Ее таинства и обряды. Все лица «собора» носили с подачи Петра I прозвища, которые, по словам Василия Ключевского, «никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати».

Считается, что продолжались такие соборы целых 30 лет, с 1690-х до 1720-х. Наверняка многое о них вымышлено, но точно многое и правда. Вглядываясь в мотивы поступков Петра, в его политику, в том числе и церковную, нельзя забывать про эти «соборы».

Во многом именно эти чудовищные святотатства, непредставимые в пору правления благоговейнейшего царя Алексея Михайловича (отца Петра), прозванного за свою сосредоточенную молитвенную жизнь Тишайшим, и рисовали народный образ Петра-антихриста. Помноженные на очередные суеверные исчисления дат и цифр, на острое религиозное народное чувство, на революционные сдвиги в жизни страны, на ее заметное обмирщение и разворот на Запад, эти слухи только крепили.

Сергей Есенин в «Песне о великом походе» очень точно схватил настроение в стране той поры:

*Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град*

*На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего,
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие, —
Как не плакаться
Тут над Русью?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».*

Философ и священник Георгий Флоровский писал о Петре, что его «реформа была не только поворотом, но и переворотом. Сам Петр хотел разрыва. У него была психология революционера. Он склонен был... преувеличивать новизну. Он хотел, чтобы все обновилось и переменилось до неузнаваемости. Он сам привык и других приучал о настоящем думать в противопоставлении прошлому. Он создавал и воспитывал психологию переворота. И именно с Петра и начинается великий и подлинный русский раскол... Раскол не столько между правительством и народом (как думали славянофилы), сколько между властью и Церковью. Происходит некая поляризация душевного бытия России. Русская душа раздваивается и растягивается в напряжении между двумя средоточиями жизни, церковным и мирским. Петровская реформа означала сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах...»

Бердяев называл Петра одним из первых большевиков: «Он и был большевик на троне. Он устраивал шутовские, кощунственные церковные процессии, очень напоминающие большевистскую антирелигиозную пропаганду»².

Перечисленные факты – именно то, что в биографии Петра оставляет всех в растерянности. С одной стороны – чудовищные эпизоды откровенного кощунства, которые совсем не вяжутся даже близко с человеком, который знает Бога, – вроде этих «соборов». С другой – немало деяний, указывающих на то, что он вроде бы и сам верил и понимал ценность веры и выросшей из нее культуры для народа: это и обустройство им Высоко-Петровского монастыря, и освящение Андреевского флага, и наречение первых кораблей нашего флота именами апостолов Петра и Павла.

Рассказывают, что в 1711 и 1712 годах, когда Петр после поражения в Прутском походе лечился в немецком Карлсбаде (нынешних Карловых Варах), то он ежедневно и подолгу молился на вершине местной горы Hirschensprung у большого креста, а в какой-то момент даже вырезал на кресте четыре буквы MSPI – «Manu Sua Petrus Imperator». Когда этот крест в 1835 году заменили новым, вырезанные Петром буквы были восстановлены – уже в золоте. Нет числа и поклонных крестов, поставленных Петром по всей России. Один из них, на Соловках, был вырублен царем собственноручно в 1694 году в память о спасении в бурю в Унской бухте.

Еще в первом своем западном «посольстве» Петр вел переписку с патриархом Адрианом, но больше всего мы знаем про трепетные отношения молодого царя Петра и воронежского архиепископа Митрофана.

² Бердяев Н. Самопознание. М., Харьков, 1998. С. 25.

Петр I и святой Митрофан Воронежский

Святитель Митрофан – теперь прославленный святой. Его мощи хранятся в Благовещенском кафедральном соборе Воронежа.

На самом старте реформ Петра святитель был их вдохновителем, и в нем царь находил опору и поддержку. Потому еще Митрофан вошел в число людей, изображенных на памятнике 1000-летию России, – как один из тех, кто повлиял на ход русской истории. Митрофан сам жертвовал на строительство первого русского военного флота в Воронеже. Этот флот ходил на Азов в 1696 году.

Вглядываясь в западную устремленность царя, святитель, наделенный даром рассуждения, не отметал ее целиком, но полагал, что технические и научные достижения этой цивилизации, как и любой другой, стоит заимствовать, изучить их. Одновременно жестко отсекая любые попытки перенести вместе с ними на нашу землю духовный настрой западного человека, его культуру, ценности и тем более веру.

Известный эпизод отношений Петра и святого прекрасно характеризует обоих: однажды государь пригласил Митрофана в свой воронежский дворец с цитаделью – он по желанию Петра был украшен статуями греческих богов и богинь. Стояли изваяния во дворе. Святитель тотчас же отправился на зов царя, но увидел статуи – и, развернувшись, пошел домой. Царь вторично отправил гонца к святителю, приказывая явиться, но получил такой ответ: «Пока государь не прикажет снять идолов, соблазняющих весь народ, я не могу войти в его дворец». Петр разгневался и велел передать, что за такоеслушание может его казнить. «В жизни моей государь властен; но неприлично христианскому государю ставить языческих идолов и тем соблазнять простые сердца», – ответил Митрофан, встал на молитву и велел звонить в колокола.

Когда Петр спросил приближенных о причине колокольного звона, ему сказали так: «Святитель Митрофан готовится принять смертный приговор».

Статуи были убраны, и царь принял у себя во дворце архиерея. До самой своей кончины Митрофан был любим Петром. Хотя никогда не боялся критиковать его решения, особенно – насильственное введение западных обычаев.

Святой Митрофан – это тот голос, который Петр как раз хотел заглушить. Голос все еще свободной Церкви, который так необходим и спасителен для любого человека и для власти. Но святитель скончался в пору, когда Петр уже начинал свое вторжение в церковную жизнь и перекраивал ее устройство. Смерть святого Митрофана в ноябре 1703 года была каким-то грустным символом умирания в том числе и прежней церковной свободы.

Да, царь, узнав о кончине владыки, срочно приехал в Воронеж и лично нес гроб в день погребения 4 декабря, но кажется, что в этой процессии Петр простался и с чем-то в самом себе – что-то и в нем теперь умерло. Потому еще после похорон перед ближайшим своим окружением царь как-то пронзительно проговорил: «Не осталось у меня такого святого старца».

Святой Александр Невский – покровитель новой столицы

Царь лично нес мощи князя по улице строящегося города.

Сам заложенный в 1703 году Санкт-Петербург был вообще-то назван в честь другого святого – апостола Петра. К той поре на Руси к нему относились спокойно, без чувства особенного родства, а иногда даже прохладно, зная, что он покровитель Ватикана, – у нас, мол, и своих святых достаточно.

Тем поразительнее, что царь освящает будущий город перенесением сюда мощей одного из самых «антизападных» наших святых! Александр Невский за 500 лет до Петра распознал в Западе угрозу, которая может заставить нашу страну потерять собственное лицо. Петр, по

слову Пушкина, поднимая «Россию на дыбы» и разворачивая ее на Запад, как раз и начал переписывать лик России, вольно или невольно.

В 1712 году в Санкт-Петербурге началось строительство Александро-Невской лавры. Память о перенесении мощей Невского в Петербург – единственный новый, появившийся при Петре, церковный праздник. Канонизации святых при этом царе останавливаются.

Яркий знак новой эпохи: метаморфоза в иконописном образе самого князя Александра. Перед смертью он принял постриг с именем Алексей, и именно в монашеском облачении его и заведено было писать на иконах. Но такой образ князя, видимо, не вязался с новой идеологией (к тому же Петр, полагают, не принимал монашества – не видел в нем смысла). Ему нужен был другой образ Невского – непобедимого князя-государственника.

15 июня 1724 года царь издал указ, которым запрещал писать Невского в мантии и велел изображать его исключительно в латах князя. И в этом – красноречивый символ разворота в управлении страной, в понимании самого Петра и согласно особенностям его религиозности. Похоже, богом царя Петра была его страна.

Богу – и богово и кесарево

В 1712 году Петр гостил в немецком Виттенберге, на родине отца протестантизма Лютера – им молодой русский царь искренне восхищался. Побывав у гробницы Лютера в соборе, на дверях которого были вывешены когда-то первые протестантские тезисы, Петр пошел в монастырский двор, где Лютером была публично сожжена папская булла. Стоя там, он сказал:

«...он на папу и на все его воинство наступил для величайшей пользы своего государства и многих князей, которые были поумнее прочих».

В этих словах – декларация мировоззрения царя: ведь и Петр всю свою жизнь мыслит «для пользы государства».

Влюбленность Петра в европейскую цивилизацию, похоже, все-таки была прагматичной: он хотел использовать Запад для пользы родины, которую любил больше и сильнее и в жертву которой готов был принести все. При Петре, наверное, впервые в нашей истории идея служения Отечеству становится важнее идеи служения Богу. Это прежде было «кесарю – кесарево, Богу – богово», теперь остался лишь один вид послушания: царю!

Прежние идеалы русского самодержавия, при котором народ и царь взаимно служат друг другу, и вместе – Богу, растаяли. Режим Петра – это подлинная диктатура. Он выстраивает, как сказали бы сегодня, полицейское государство, и власть монарха понимает уже в духе западного абсолютизма – как ничем не ограниченную. Больше власти, чем у Петра, не было ни у какого русского правителя – даже у Сталина.

Впрочем, в почти религиозной вере в государство, в понимании примата государства надо всем Петр и Сталин видятся схожими. Сталин говорил, что люди – это «винтики в государственной машине, обеспечивающие ее работу». Они играют лишь вспомогательную роль, а главное – сама машина. Петр, вероятно, считал так же. И больше того – возможно, и себя он считал винтиком в этой машине. Однажды он пошел проверять казармы, а караульный не пропустил его, потребовав пароль. «Какой пароль? – удивился Петр. – Я же царь!» – «Знаю, что ты царь, но ты же сам приказал спрашивать у всех пароль». Петр похвалил солдата и дал ему рубль.

Петр подчиняет всех и все государственным интересам. При правильном рассуждении это могло бы вылиться в большую и долгосрочную пользу для страны, но под каток петровской системы управления попадает и Церковь – в этом состоит одна из самых непростительных петровских ошибок, выстрел в будущее, который настигнет страну через два столетия.

Духовная революция Петра

Пресловутое пушкинское «окно в Европу» стало главным штампом о Петровской эпохе, только все больше историков спрашивают, надо ли было «рубить окно» туда, куда и так все двери были нараспашку?

Еще в Киевской Руси княжны выходили замуж за европейских королей, Новгород прочно входил в союз торговых европейских государств наряду с Лондоном и Бременом. Иван III женился на приехавшей из Рима Софье Палеолог, при нем же итальянцы построили для нас Московский Кремль. Многие из них так и осели под Москвой, оставив на карете названия Фрязино, Фрязево, Фряново. Через сибирскую Мангазею шла оживленная торговля пушниной и лесом с Западом. Дипотношения с Англией у нас были еще с Ивана Грозного, а Немецкая слобода появилась еще при Алексее Михайловиче – в ней, кстати, родился Пушкин и в своей юности обожал проводить время Петр I.

Не во всю Европу, а именно в протестантскую Северную Европу, Петр «рубил окно». Под протестантским влиянием он и начнет свою Русскую Реформацию.

После смерти патриарха Адриана в 1700 году царь подчиняет Церковь себе. Не сразу, постепенно, но настойчиво сжимая свободную по природе Церковь в государственных тисках, заставляя и ее быть «винтиком в государственной машине».

Сперва Петр назначает местоблюстителя патриаршего престола – выходца с Украины, одного из образованнейших людей своего времени – епископа Стефана Яворского. Незадолго до того, еще при жизни патриарха Адриана, он говорил в присутствии царя проповедь и очень его впечатлил.

Полагают, Петру нравилась и биография Стефана: он прожил много лет среди католиков, учился во Львове и Люблине, был униатом, потом принес покаяние. Правда, будущий епископ вынес из католических школ вместе с западным образованием и стойкую нелюбовь к протестантам, и аргументы полемики с ними. Петру это откроется не сразу – пока он считает Стефана человеком с симпатичного ему Запада, никак не связанным с «московской стариной», с которой Петр уже наметил рвать все взаимодействия.

Отношения Петра и Стефана – это зеркало той постепенной духовной метаморфозы, которая в течение 20 лет совершается в душе царя и (его руками) в стране.

Сперва Стефан вполне поддерживает Петра в его достижениях, походах, в его заботах о просвещении народа и развитии страны. Но к концу первого десятилетия XVIII века отношения между ними все натянутей. Да и не таким уж западником оказался Стефан, как от него, видимо, ожидал царь.

Находящийся во все более усиливающейся зависимости от Петра, епископ Стефан не может примириться с грубым вторжением царя в церковную жизнь. Мало того, что власть местоблюстителя в сравнении с патриаршей была сильно ограничена царем, так еще и взамен Патриаршего приказа (центр управления Церковью) был учрежден Монастырский приказ, который установил контроль государства за землями и доходами монастырей. Цель его была простая: силами светских чиновников забрать у монастырей их владения в пользу государственной казны.

В 1711 году в церковные суды были введены фискалы – это учрежденная Петром должность для тайного надзора над всеми делами. Фискалы заполнили все ведомства и коллегии, теперь они пришли и в Церковь.

К началу второго десятилетия века уже стало понятно, что Петр не думает назначать патриарха, что ему куда симпатичнее западный, протестантский тип управления Церковью.

Стефан не страшился нападать на усиливающиеся протестантские порядки, он обличал протестантов, число которых множилось в столице, в их непоследовательностях – и все силь-

нее год от года звучал в его проповедях и словах мотив какого-то грустного прощания: *«Сияла Россия – мати наша – прежними времени благочестием, светла и аки столб непоколебимый в вере православной утверждена. Ныне же что? Усомневаюсь о твердости твоей, столпе непреклонный, егда ты вижду, ветрами противными отовсюду обуреваема. Веет на тя ветер иконобоный, иконы святые презирающий; веет на тя ветер чревоугодный, посты святые разоряющий».*

Стефан написал разоблачающую протестантов книгу «Камень веры» – ни при жизни самого владыки, ни при жизни Петра она так и не была опубликована. При этом Петр держал Стефана вблизи себя и на всех его должностях до самой смерти владыки – несмотря на то что он часто просил об отставке и нападал на царя и его решения в своих проповедях.

В 1718 году Петр пишет Стефану: *«...а для лучшего впредь управления мнится быть должно надобной коллегии, дабы удобнее впредь такое великое дело управлять было возможно».* Так была озвучена идея Священного синода – коллективного управления Церковью.

Сочувствия у Стефана эта идея не вызвала, и Петр доводил реформу до конца уже с новым союзником, тоже выходцем с Украины – епископом Феофаном (Прокоповичем). Прекрасно образованный в тех же западных малороссийских пенатах, владыка Феофан очень многое в протестантизме поддерживал, оправдывал. Некоторые публицисты называли его не просто сочувствующим протестантам, а прямо протестантом.

К тому же Феофан сумел быть очень эффективным и понятливым исполнителем воли царя, он точно улавливал и правильно толковал его мысли. Петр лично сам подарил Феофану несколько деревень, вручал значительные денежные суммы. Епископ благодаря царским милостям отстроил себе обширное подворье в Петербурге, на левом берегу реки Карповки.

В октябре 1718 г. Петр указал Феофану написать документ для Духовной коллегии – «Духовный регламент». К февралю 1720 года Феофан принес царю проект «Регламента». После этого он прошел согласование в Сенате и у всех епископов и архимандритов Московской епархии.

Государственный аппарат работал уже слаженно, и «Регламент» приняли единогласно.

Этот документ закреплял упразднение патриаршества и учреждение вместо него Святейшего Правительствующего синода (Духовной коллегии). Структура Синода была аналогична остальным коллегиям, то есть государственным министерствам: президент; два вице-президента; четыре советника; четыре ассессора. Представителем императора в Синоде был обер-прокурор. Также при Синоде было и целое ведомство фискалов.

Все остальные положения «Регламента» выглядели как атака на таинственную, мистическую, непознаваемую часть жизни Церкви. С одной стороны, документ предписывал создание семинарий в епархиях, но перед поступлением туда кандидату необходимо было выдержать экзамен, в котором следовало удостовериться, не имеет ли будущий служитель «видений» или «смущающих снов». Феофан считал, что священник не должен быть ни мистиком, ни фанатиком. Особой проверке подлежали домашние духовники, «обычные орудия темных интриг, создатели незаконных браков» – по цитате из «Регламента».

«Регламент» вводил духовную цензуру, упразднял места чудесных явлений, не признанных таковыми Синодом. Запрещались крестные ходы, юродство (то есть, например, св. Ксения Петербургская была вне закона), богоявленская вода, строительство часовен при дороге. Неофициальные почитания непрославленных святых жестко запрещались – хотя из такого почитания чаще всего и вырастают канонизации. Неудивительно, что почти на полвека они прекратились.

Отшельники – те, на ком держались и кем ковались русская святость и национальная идея, – становятся вне закона. Им положено жить лишь в монастырях, но и монастыри, как острова земли, вырванные для Бога у греха и мира, подвергаются неслыханным ограничениям. Петр, похоже, считал монахов людьми, «чуждые труды поядающими», и резво взялся за сокра-

щение числа обителей и их насельников – а для контроля за их численностью впервые в истории страны ввел «монастырские штаты».

В каждом монастыре, согласно царским указам, дозволялось оставить столько людей, сколько требовалось для совершения богослужения и управления имениями. Насельники перед постригом проходили трехлетний искуc, а если постриг не случался (потому что не находилось «убылых»), то кандидаты должны были покинуть обитель.

Мужчинам запрещалось поступать в монастырь до тридцатилетнего возраста; монахам вменялось в обязанность исповедоваться и причащаться по крайней мере четыре раза в год (как можно регламентировать такие вещи!); во всех монастырях вводился обязательный труд, а монахам запрещалось посещать женские монастыри и даже частные дома. Монахиням, с другой стороны, запрещалось давать окончательные обеты до пятидесятилетнего возраста! Монахам было запрещено заниматься летописанием, хотя первые летописцы нашей истории – это монахи. Без них мы и себя бы не знали.

В 1723 году даже вышел нелепый указ все «убылые» места в монастырях замещать исключительно отставными военными, но вскоре его отменили.

Не видевший никакой практической пользы в монашестве Феофан (Прокопович) издавал указы, например, о «всуге жегомых церковных свечах». Петр не мог разглядеть, что монах – это как бы жертва Богу от всего общества, ходатай и молитвенник за страну и мирян в ней. Царь не видел, что монастыри – это кусочки Неба на земле, способные рожать нового человека, заряжать его созидательной творческой энергией; что, надышавшись воздухом монастыря, человек возвращается в мир и становится лучшим гражданином, лучшим семьянином, верным и принципиальным в своих поступках и мыслях, – и такие люди уже превращаются в опору для трона и государства.

Ведомый заемным протестантским духом, Петр ударяет по монастырям, не понимая и не чувствуя, что ударяет по корневой основе России, что лишает страну живительной силы, созидательной энергии, что упрощает и убивает ее. Он не осознавал, что закладывает мину, которая, взорвавшись, разнесет страну.

Другой указ духовной революции Петра обязывал всех подданных империи ходить в храм в воскресенье, к вечерне, заутрене и литургии. Ходить к литургии в воскресенье очень даже нужно, только «невольник не богомольник»! Здесь не должно быть принуждения. Принуждением извращалось важнейшее условие жизни с Богом – свобода!

Георгий Флоровский писал о «Духовном регламенте»: *«По форме и по изложению «Регламент» всего менее регламент. Это «рассуждение», а не уложение. ...«Регламент» есть в сущности политический памфлет. В нем обличений и критики больше, чем прямых и положительных постановлений. Это больше, чем закон. Это манифест и декларация новой жизни. И с намерением под таким памфлетом и почти сатирой отбирались и требовались подписи у духовных властей и чинов, – и притом в порядке служебной покорности и политической благонадежности. Это было требование признать и принять новую программу жизни, – признать новый порядок вещей и принять новое мировоззрение. Это было требование внутреннего перелома и приспособления...»³*

Церковной реформой Петра довершался слом России. В народном сознании поселялась как бы раздвоенность, расколотость. До конца народ и Церковь эту Русскую Реформацию не приняли, но на протесты государство отвечало репрессиями – так продолжится почти два столетия, которые дадут Русской церкви не только удивительных исповедников, но и мучеников.

Усиливало раскол общества и то, что Петр привлек очень много южнорусских епископов, а они несли на русскую почву свою «латинскую школу». В русской церковной школе утвердились западная культура и богословие. Вышло так, что молилась Церковь и жила еще по-ста-

³ Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия.

рому, по-церковнославянски, а богословствовали уже на латыни. Это прозвали «богословием на сваях»⁴, то есть не укорененным в народном сознании и народной душе. Все это только усугубляло внутренний слом и расслоение внутри самой Церкви и во всем обществе.

Бердяев скажет после: *«Весь петровский период русской истории был борьбой Запада и Востока в русской душе. Петровская императорская Россия не имела единства, не имела своего единого стиля»*⁵.

Сам Феофан (Прокопович) стал первым вице-президентом созданного Синода, а президентом Петр назначил несчастного Стефана (Яворского), который меньше всего Синоду симпатизировал. Он отказывался подписывать протоколы Синода, не бывал на его заседаниях. Никакого влияния на синодальные дела Стефан не имел. Кроме того, он постоянно находился под разными следствиями и допросами по доносам и наветам. Царь тем не менее держал его на этой должности. Владыка прожил еще едва ли год в этом статусе и после смерти был похоронен в Рязани, на своей кафедре.

Феофан тогда фактически возглавил Синод. А потом, после смерти Петра, умудрился оставаться влиятельнейшим человеком разом в нескольких эпохах. Он победит во всех интригах, что против него вязались, и сумеет сохранить свои позиции при дворе и в Синоде – в эпоху «дворцовых переворотов» это мало у кого получалось.

Протоиерей Георгий Флоровский писал в XX веке о Феофане совершенно бескомпромиссно: *«Прокопович был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то злое. Это был типичский наемник и авантюрист, – таких ученых наемников тогда много бывало на Западе. Феофан кажется неискренним даже тогда, когда он поверяет свои заветные грезы, когда высказывает свои действительные взгляды. Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствуется нечестность. Вернее назвать его дельцом, не деятелем. Один из современных историков остроумно назвал его «агентом Петровской реформы». Однако Петру лично Феофан был верен и предан почти без лести, и в Реформу вложилась весь с увлечением. И он принадлежал к тем немногим в рядах ближайших сотрудников Петра, кто действительно дорожил преобразованиями»*⁶.

В «Присяге», написанной Феофаном для членов Синода, он как бы цементировал это возвышение царя над священством и епископатом: *«...Исповедую же с клятвою крайнего Судию Духовного Синода, Самого Всероссийского Монарха, Государя нашего Всемилостивейшего»*.

Так члены Синода, архиереи Церкви, стали в каком-то смысле послушными государственными чиновниками с казенным жалованьем. Церковь превратилась почти в государственную контору, «ведомство православного исповедования».

Грандиозность подобной ошибки не изучить в рамках этой книги, скажем только о двух очевидных вещах. Первое: Церковь не может быть государственным аппаратом, это противно ее свободной природе. Церковь управляется Духом Святым – самим Христом – через посвятившего себя целиком Ему первосвященника – патриарха. Так устроил Свою Церковь сам Господь. А в Синоде за два столетия его существования доходило до того, что им управляли оберпрокуроры (представители царя) и вовсе не верующие люди или убежденные протестанты.

Все искривления, прогрессирующая формализация подчиненной государству церковной жизни – справки о причастии, доносы священников о неисповедующихся, указы об обязательном хождении в церковь по воскресеньям – за два столетия приведут к тому, что оскудеет сама вера в народе. И этот самый обезбожившийся народ сметет в революцию 1917 года и государство, и Церковь, которая будет у него ассоциироваться с государством и в которой он – в значительной своей массе – перестанет видеть источник живой воды.

⁴ Там же.

⁵ Бердяев Н. Самопознание. М., Харьков, 1998. С. 25.

⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 89–90.

Как сказал об этом Патриарх Кирилл, *«церковная реформа Петра I привела в конечном счете к бюрократизации духовной жизни, к попыткам решать духовные вопросы светскими, а сказать еще жестче, «полицейскими» способами, что в исторической перспективе оттолкнуло от православия многих представителей образованной части общества. Именно ввиду подчинения Церкви государству так называемая русская интеллигенция переносила критическое отношение к государству и на Церковь, поэтому для многих расцерковление, то есть отход от Церкви, было не столько духовным, сколько политическим процессом»*⁷.

И второе: подчинив Церковь себе, царь лишился в ее лице необходимого для правителя критика, ходатая, советника. То, чем был для Петра в свое время святой Митрофан Воронежский. Но таковой может быть только свободная Церковь, а Петр ее как бы закрепостил. *«Насильное встраивание Церкви в государственный аппарат фактически поставило ее в подчиненное положение и отвергло византийский идеал священной симфонии»*⁸.

Больше того, духовенство стали называть «запуганным сословием». Оно опускается или отесняется в социальные низы. Лучшие из него замыкаются внутри себя, уходят во «внутреннюю пустыню» своего сердца, ибо даже во «внешнюю пустыню» в XVIII веке уходить было нельзя. И это, конечно, страшный порок Петровской эпохи: запуганное духовенство – это как запуганный воин. Это «соль, потерявшая силу», которая уже «никуда не годится» (Матф., 5:13), опасное повреждение, которое родит многие следующие русские болезни и катастрофы.

Нового в идее Петра ничего не было – он взял за модель западный образец государственных церквей, в основном из протестантских стран. Но в основе этого устройства лежал принцип разграничения светского и религиозного, причем с жестким смещением акцентов жизни страны на первое. Все, что мы видим теперь во всем мире, особенно на Западе – абсолютное вытеснение Церкви на периферию жизни, ее маргинализация – плоды той западной постановки отношений между светской и духовной жизнью, которой так вдохновился царь Петр.

Да, Синод не ударит по самой сердцевине церковной жизни – таинства ее останутся благодатными, Святой Дух будет по-прежнему жить в ней, что видно по явленным в эти века святым, но в сознании людей Церковь будет чем дальше, тем настойчивее ассоциироваться с государственной машиной, в том числе и из-за отсутствия или крайне редких новых канонизаций в синодальный период. Церковь будет восприниматься как дань народной традиции, как «история под стеклом», что есть ложь: Церковь всегда про будущее в большей мере, чем про прошлое.

Еще один красноречивый символ религиозной революции Петра: надпись на Исаакиевском соборе, построенном в честь покровителя Петра Исаакия Далматского (в день его памяти царь родился): *«Господи, силою твою возвеселится царь»* (Пс. 20:2). Из тысяч строчек Псалтири именно эту избирает Петр. Вроде бы смысл хороший: полное упование царя на Бога, полное Ему доверие, вера в то, что *«сердце царя – в руке Господа»* (Притч 21:1), но почему-то не оставляет чувство какой-то фальши, какой-то неправды, будто Церковь уже используют не для церковных, а для государственных задач.

Да, Церковь может укрепить государство (главная цель Петра) – только она и может, – но это происходит тогда, когда народ искренне в Боге живет. И подлинная духовная сила народа, черпаемая только в Боге, становится силой государства, толкает его на колоссальные созидательные свершения и прорывы. Но это как итог, как плод искреннего обращения народа к Богу, это нельзя симулировать, в это невозможно сыграть, это не может быть декорацией. А просто «использовать» Церковь, касаться ее прагматично – нельзя. Результата не будет. Точнее,

⁷ Из выступления святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXX Международных образовательных чтений «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность» 23 мая 2022 года.

⁸ Из выступления святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXX Международных образовательных чтений «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность» 23 мая 2022 года.

будет антирезультат: самый близкий пример – перед нашими глазами: политики на Украине пытались использовать Церковь в политических целях, в итоге случились раскол церковный, усугубивший раскол всего общества, и война.

Но Петр, похоже, не разбирал этих тонкостей, его задача – подчинение всего и вся государственным интересам, и Церковь не должна была стать исключением.

Несмотря на всполохи религиозного чувства в ранние годы, несмотря на то, что через великих собеседников из святых людей Петра явно касался Святой Дух, царь не был внимателен к духовному опыту, целиком вдохновленный примерами западной протестантской рациональности. Он, похоже, в какой-то момент совершенно остыл к религии и большую часть жизни доживал как бы религиозно глухим, соответствующее чувство в нем было либо мертво, либо совсем не развито. Философ-славянофил Юрий Самарин заметил о Петре: *«Он не понимал, что такое Церковь, он просто ее не видел, и потому поступал, как будто ее не было»*. Видимо, в этом и стоит искать источник столь грубой, расколовшей общество религиозной реформы.

Ключевский писал о Петре очень просто: *«Петр Великий по своему духовному складу был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их»*. Простота Петра – в его предельной однобокости: он весь жил в сфере материального, вещественного. Он был слеп к тому, что лежит за этими границами. Об этом нечувствии говорит еще один эпизод из его посещения родины Лютера, Виттенберга.

Дом основателя протестантизма до сих пор хранит автограф царя Петра, написанный мелом. В кабинете реформатора Петр увидел чернильное пятно на стене – про него царю тут же рассказали легенду: якобы во время работы над сочинениями Лютеру явился сам дьявол – и тот запустил в нечистого чернильницей, чтобы не отвлекал от дела. Чтобы посмотреть на этот след сатанинского присутствия, в музей стекалось много народа. Но высокий гость из России не стал удивляться, вместо этого поклонялся пальцем, потер пятно, обнаружил, что оно мажется, взял мел и написал на стене: *«...чернила новые, и совершенно сие неправда»*.

Свите своей Петр потом еще пояснял, что не мог такой мудрый муж, как Лютер, полагать дьявола видимым.

То есть это не вязалось с тем, чему Петр в протестантизме как раз симпатизировал: с их скепсисом к мистике, к церковным таинствам и тайне духовной жизни, которую хранит православие, с их бунтарским и рациональным духом – со всем тем, чем Петр заражался, вероятно, еще и в объятиях своей страсти юных лет.

Анна Монс и Евдокия Лопухина: две женщины юности Петра

Истоки петровских преобразований можно искать и в районах прежней Немецкой слободы в Москве, где среди лютеран прошла юность царя. Вероятно, это отсюда петровская увлеченность протестантскими идеалами: антицерковностью и антиобрядностью, отвержением таинственной духовной стороны жизни Церкви, неверно интерпретированной «рациональностью».

В Старокирочном переулке (название тоже от нем. «кирха» – церковь) до сих пор стоит дом Анны Монс – горячей ранней любви Петра. Это единственное здание постройки XVII века, сохранившееся от Немецкой слободы.

Монс была младшей дочерью золотых дел мастера Иоганна Георга Монса. Государь всеерьез думал жениться на ней. В день своего возвращения из Великого посольства на Запад 25 августа 1698 года Петр первым делом приехал сюда, к ней, и только через неделю, 3 сентября, встретился с женой, Евдокией Лопухиной, – одной из самых трагических фигур века.

Насильно постриженная Петром в монахини традиционного для бывших царевен Суздальского Покровского монастыря, Лопухина не хотела и не смогла жить жизнью инокини – в итоге вышло страшное поругание над таинством и обетом. Жила она тут, как мирянка, у

нее скоро завелся любовник – майор Степан Глебов, а вместе с ним начал плестись и странный антигосударственный заговор, расследование которого («Дело царевича Алексея», единственного сына Петра I) приведет к десяткам жестоких казней всех причастных и подозреваемых. Самого Глебова казнят чудовищной пыткой, посадив на кол и заставив перед смертью мучиться 14 часов.

«Петербургу быть пусто» – легенду о том, что Лопухина в пору своего насильного пострижения в монахини изрекла такое пророчество, очень любили наши писатели. Из этой легенды родилось потом несметное число пророчеств о гибели петровской столицы.

С 1703 года Петр стал открыто жить с Анной Монс в ее доме.

Из-за своей национальности, склонности брать взятки, а также обвинений, что она – причина ссылки царицы Евдокии и ссоры Петра с царевичем Алексеем, Монс вызывала большую нелюбовь москвичей. По названию Немецкой слободы (Кукуй) она получила прозвище Кукуйской царицы.

Денег на свою любовь Петр не жалел – и роскошный дом в восемь окон, и картины, украшенные алмазами, но чувства, похоже, были не взаимными. В письмах Анны к Петру, которые она писала на немецком, реже – на голландском, за 10 лет нет ни одного слова о любви. Говорили даже, что она питала к Петру отвращение, которое не в силах была скрыть.

При этом о ее влиянии на царя популярный в XIX веке писатель Мордовцев сказал кратко, но хлестко: *«Анна Монс – иноземка, дочь вино торговца – девушка, из любви к которой Петр особенно усердно поворачивал старую Русь лицом к Западу и поворачивал так круто, что Россия доселе остается немножко кривошейкою»*⁹.

Зараженный протестантским рациональным духом, Петр старался вдохнуть его в Россию: здесь появляются впервые секты кальвинистов, лютеранские кирхи, неопротестантские учения (вроде знаменитого «дела Тверитинова»).

В итоге государь все же оставил Монс – уже в 1704-м. Вся дальнейшая жизнь Анны была исковеркана мезьей царя и, возможно, ее собственным распущенным характером. Домашний арест; слухи о ворожбе (с целью вернуть государя); конфискация имущества; замужество с прусским посланником в России; чудовищная репутация при дворе; ранняя смерть мужа; долгая тяжба за его курляндское имение и вещи; роман с пленным шведским капитаном Карлом-Иоганном фон Миллером, которого она одаривала ценными подарками и завещала почти все состояние (5740 рублей) и т. д.

В 1714 году она выиграла тяжбу за наследство мужа, вернула себе свои вещи, включая алмазный портрет Петра, но уже в августе того же года умерла от скоротечной чахотки.

Рост страны и святой Иннокентий Иркутский

После стремительного, беспрецедентного по своей скорости рывка в Сибирь в прошлом веке, когда всего за полвека мы прошли от Урала до Тихого океана, когда океанской державой мы стали раньше, чем морской, петровская пора довершает русскую часть эпохи Великих географических открытий.

Эта невероятная энергия движения на Восток во многом иррациональна. Сохранилось много красивых легенд и старинных лубочных карт, на которых Азия оканчивалась «Счастливыми островами» – неким подобием земного рая. Некоторые из бежавших от реформ патриарха Никона старообрядцев верили, что там за горами лежит страна праведной и радостной жизни – Беловодье. Эта народная утопия была так живуча и достоверна, что на поиски Беловодья снаряжались реальные экспедиции. В этой легенде есть и ключ к нашему национальному сознанию, и некий духовный источник энергии движения на Восток.

⁹ Мордовцев Д. Л. Идеалисты и реалисты, 1878.

При Петре мы выходим к берегам Камчатки и Курильских островов. Курилы к России присоединил Иван Козыревский – будущий иеромонах Игнатий.

В начале своей жизни он был... преступником. В 1701 году отец и сын Козыревские были посланы якутским воеводой на Камчатку для приведения жителей в подданство России. Через десять лет, в 1711 году, Иван затеял бунт, в ходе которого погиб известный мореход Атласов, потом опомнился и, чтобы умиловить власти, с товарищами усмирил непокорных камчадалов, построил Большерецкий острог, отправился на Курильские острова и привел часть населения в подданство России. Он составил описание всех Курильских островов и острова Хоккайдо. А в 1717 году постригся в монахи и на берегу реки Камчатки основал Успенскую пустынь.

Наказание за преступление спустя много лет его все же догнало – он умер в тюрьме, не дождавшись помилования, в декабре 1734 года. Его именем названы мыс и гора на острове Парамушир, залив и мыс на острове Шумшу (Курильские острова) и река на Камчатке.

Дело отца Игнатия продолжит архимандрит Иоасаф (Хотунцев). 13 августа 1743 года он и его миссионеры прибудут в Большерецкий острог. Удивительно, но первыми крещеными здесь оказались... десять японцев, которые были выброшены на берег при кораблекрушении. Проповедь на Камчатке шла почти 20 лет: с 1743 по 1761 год. В какой-то момент архимандрит написал: *«Крещены все. Больше некого»*. Но когда миссия закрылась, здесь снова стали впадать в шаманизм.

В Сибири в это время трудился святой Филофей Лещинский: он был архиереем русской миссии в Китае. Его Тобольская митрополия была гигантской: от Уральских гор до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до киргизских степей и Даурии (земли, подчиненные китайскому императору): 10000 верст в длину и 3000 в ширину. Управлял епархией он сам, не имея помощников. Тем не менее он построил первый каменный собор в Сибири (Тобольский) – в ту пору это было сенсацией. За пределами Петербурга строить из камня было запрещено – если только сам царь разрешал.

Будучи уже в очень преклонном возрасте, приняв схиму, Филофей продолжал терпеливо проповедовать местным племенам и уничтожать предметы языческих культов. Казаки-албазинцы вместе с миссией святителя принесли христианство в Китай.

Отношение государства к Церкви и все церковные потрясения Петровских реформ отразились, как в капле воды, в судьбе святого Иннокентия Иркутского – архиерея, которого отправили на край страны, а потом просто позабыли о нем.

В марте 1721 года Петр I назначил его, преславского епископа, руководителем Русской духовной миссии в Пекине, но Иннокентий так и не был допущен китайцами в страну. Говорят, немалую роль в этом сыграли интриги иезуитов: в письме с просьбой о разрешении на въезд владыку титуловали «богдо» («великий») – а у китайцев такое обращение было принято только к императору!

Не доехав до Китая, Иннокентий был вынужден остановиться в Бурятии, в Троице-Селенгинском монастыре. На долгих три года в Петербурге о нем забыли, даже не присылали жалованья из Синода, так что себя и свиту владыка содержал подаяниями. Он сам чинил обветшавшую одежду, ловил рыбу, нанимался к местным работником. Когда же владыку и его свиту поселили на даче монастыря, то Иннокентий и его диакон писали для храма иконы.

В Бурятии архиерей проповедовал среди местных монгольских племен. А после того как его отправили дальше, в Иркутск, он продолжал нести слово Божие тамошним язычникам. Иннокентию удавалось обращать их к святой Церкви не только семьями, но даже целыми стойбищами. Так, из новокрещеных бурят образовалось целое поселение Ясачное.

Жил владыка там в Вознесенском монастыре, молился в пещерке у монастыря, носил власяницу. Отдыхал в небольшом селении Малая Еланка, в пятнадцати верстах от обители. Удивительный был архиерей, особенно для поры пышного государственного православия.

О нем вспомнили и даже начислили ему содержание для удовлетворения некоторых его нужд... Но произошло это тогда, когда владыка уже не нуждался ни в чем земном.

Как и святителя Иннокентия, епископа Иоанна Тобольского (Максимовича) отправили так далеко тоже по злому умыслу: это сделал князь Меншиков – за то, что епископ отказался освятить церковь в его имении. Была там такая мелочь: в одном из имений князя в Черниговской епархии был построен храм, князь сам назначил дату его освящения и потребовал прибытия Иоанна в указанный день. Но святитель возразил, что назначение даты – дело архиерея, а не князя, и освятил храм в выбранный им самим день.

Когда Иоанну стало известно о причине его перевода в Сибирь, то он пророчески произнес: «Да, далеко мне ехать, но он будет еще дальше меня». Так и сбылось. После опалы Меншикова сослали в город Березов, севернее Тобольска.

По другой версии, для святителя это была все же не ссылка, а «повышение»: мол, причиной возведения Иоанна в митрополиты была положительная реакция Петра I на написанный им «Синаксарь» о Полтавской битве.

Под руководством Иоанна Тобольского миссионеры были направлены к осякам, вогуличам и другим сибирским народам. Иоанн смог обратить в христианство одного из «князьков кошитских юрт», бывшего мусульманином, а также окрестил более 300 его соплеменников.

К тому же Иоанн (Максимович) был самым плодовитым поэтом начала XVIII века.

Руками этих выдающихся миссионеров совершается последний миссионерский рывок в нашей истории. Будто все духовные силы, накопленные в прошлых столетиях, страна щедро изливает на новые народы. Но церковная реформа в дальнейшем ударит и по этим стараниям. Просвещение, конечно, продолжится, только уже словно по инерции и не так пламенно.

Раскол духовный ведет к расколу государства

Новое время, новая дата празднования Нового года, новый алфавит, новая столица, новая по своей структуре Церковь – Петр беспощадно, революционными диктаторскими методами рубит все, что может связывать Россию с ее прошлым. Причем надо помнить, что ядовитая опухоль разделения уже и так жила и давала метастазы еще с прошлого, XVII века, когда случился старообрядческий раскол.

Петр ненавидел раскольников за их антигосударственный бунтарский настрой – юношеская память хранила картины стрелецких бунтов, вдохновленных староверами.

Царь гнал их со всей мощью госмашины. Он брал пошлину со старообрядцев за право ношения бороды; двойной налог за приверженность к старым обрядам. Лишь некоторых раскольников Петр не преследовал – например, Выгорецких, – за то, что те усердно работали на железных заводах.

В своей борьбе против староверов Петр нашел опору в дворянах. Чтобы привлечь дворян на свою сторону, их надо было купить привилегиями – освободить от службы, от налогов, наделить землей и крестьянами. Петр это и сделал. Так он получил мощную силу в свою поддержку, но вместе с ней заложил основу для колоссального социального расслоения и напряжения в обществе.

Враз нарушилась важная гармония, и было брошено зерно всеобщей несправедливости в устройении государственной жизни: дворяне от службы государству освобождались, а крестьяне продолжали дворянам служить. На каком основании? И без того несовершенное (из-за крепостного права) сословное деление стало еще более несовершенным.

Земские соборы при Петре не действовали, то есть народ был окончательно исключен из управления страной. Дворянство начинало деградировать в новых комфортных условиях, став в будущем абсолютно паразитическим сословием. Все эти Онегины и Обломовы были родом отсюда. А закрепощение крестьян, наоборот, усиливалось – все следующие крестьян-

ские бунты, включая пугачевский, были ответом на эту несправедливость и на произвол помещиков и дворян. Эти же люди через несколько поколений стали «дровами революции».

Так раскол религиозный перерос в раскол всего общества! Последователи Петра (видимо, по принципу «после нас хоть потоп») награждали дворян еще большими вольностями, этим только усугубляя проблему.

В 1731 году помещикам было предоставлено право собирать подушную подать с крепостных; царица Анна Иоанновна манифестом 1736 года ограничивала службу дворян 25 годами; еще через 10 лет Елизавета Петровна запретила кому бы то ни было, кроме дворян, покупать крестьян и землю; а в 1762 году Петр III подписал «Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству», еще больше ограничивший срок обязательной службы. Екатерина II окончательно освободила дворян от нее и оформила организацию дворянского самоуправления на местах. При этом крепостное право для крестьян сохранялось.

Все эти перемены привели к тому, что к концу века дворяне для своего народа были словно иностранцы! Поразительно, что именно из этого, самого благодетельствованного и защищенного сословия в будущем, XIX веке, по печальному духовному закону расслабленности, сытости и оторванности от реальной жизни, выйдут республиканцы, члены тайных антиправительственных лож, первые революционеры и те, кто будет стоять у истоков социалистического движения в России.

Все это рождается сейчас, в начале XVIII века: вместе с модами, которые теперь живо обсуждают новые элиты, и вместе с «золотой молодежью» – кокетками и петиметрами¹⁰ – будущей, уже с юности оторванной от своих корней элитой.

Все чаще теперь во главе русского общества из-за петровских преобразований становятся люди вроде князя Хованского, который однажды в одном из своих поместий устроил пир, сам напился до бесчувствия, а гости ради потехи обрядили его как мертвеца, уложили в гроб, отнесли в церковь и совершили над мертвецки пьяным князем богохульное «отпевание». Наутро причетники обнаружили в храме перед алтарем гроб, в котором лежал не проспавшийся после пьянки живой человек. Мало того, после своей грязной пирушки бражники дерзнули осквернить церковные сосуды. Бесследно для них это не прошло. Суд приговорил кощунников к смертной казни, но царь смягчил приговор, заменив казнь жестоким телесным наказанием, которое и было совершено в его присутствии.

Смерть императора

В том же 1721 году, когда царь стал главой церкви, он принял на себя еще и титул императора. Изгнав Бога из своей жизни, получив абсолютную диктаторскую власть, выстроив подчиненное полицейское государство, Петр неизбежно на место Бога стал ставить себя.

Он сменил титул не только как очередной шаг разрыва с прошлым, не только для того, чтобы быть похожим на императора Юстиниана, православного монарха Византии. Нет, он равнялся на языческого императора Августа – которого в Римской империи почитали за бога.

Переименование прошло без особых обрядов. Помазание на царство над ним уже в юности совершили. Но чтобы праздник с размахом по случаю нового титула все же состоялся, Петр короновал в императрицу свою жену Екатерину. Это была вторая на Руси коронация женщины – супруги государя (после коронации Марины Мнишек Лжедмитрием I).

Кстати, на празднике подавали быка, нашпигованного птицей, – языческая традиция!

Императором Петр пробыл уже недолго, но оставил после себя еще и имперскую языческую систему смены власти. Как в Риме императоры всходили на трон на штыках гвардии пре-

¹⁰ Петиметр (от фр. *petit maître*), устар. – молодой светский щеголь, франт, рабски подражающий французским модам и манерам поведения.

торианцев, так и Россия после Петра погрузилась в череду дворцовых переворотов. Поскольку Петр реформировал систему престолонаследия, введя закон о том, что наследника назначает сам император, а завещания оставить не успел, то Россию начало «трясти» сразу после его смерти и «трясло» в этих переворотах почти целый век.

Петр умирал в диких мучениях – по официальной версии, от воспаления легких, но позже вскрылось, что от гангрены мочевого пузыря. Это адские боли. Говорят, его крик стоял над всей Невой.

После смерти тело царя долго не предавали земле. Три недели оно пролежало на постели, и ежедневно всем людям был открыт доступ к покойному. Потом решили забальзамировать уже позеленевший и сильно смердящий труп – чтобы положить в гроб и перенести прощание в большой зал, до самой Пасхи. 22 февраля в Зимнем дворце стало два гроба вместо одного: умерла и шестилетняя дочь Петра Наталья.

Весь Петербург, сановники и духовенство из Москвы и других городов приезжали на прощание к забальзамированному телу императора. Но до Пасхи дотянуть похороны не смогли, разложение прогрессировало слишком стремительно.

При подготовке похорон выяснилось, что огромный гроб не проходит в дверь, и тогда по приказу главного распорядителя церемонии, графа Якова Брюса, к одному из окон снаружи пристроили просторный помост, с обеих сторон которого шли широкие лестницы, задрапированные черным сукном. Гроб Петра поставили в Петропавловском соборе, который тогда еще строили, и тело царя простояло там непогребенным еще шесть лет! Только после этого гроб с телом покойного предали земле. Есть в этой зловещей неуспокоенности Петра какой-то страшный смысл, словно человека, объявившего войну Небу, не принимала и земля.

Историк Б. Башилов напишет: *«После смерти Петра началась самая нелепая страница истории русского народа. Те, кто стал вершить его судьбу, попирали его веру, презирали его обычаи, на каждом шагу издевались над его национальным достоинством»*.

Офицеры гвардии Преображенского полка, вышибив дверь в комнату, где заседал Сенат, откровенно заявили, что разобьют головы старым боярам, если те пойдут против «их матери» Екатерины. Так сперва усадили на престол вдову Петра I, при которой Россией правил, по сути, Верховный тайный совет.

После жесткого диктатора Петра страна де-факто лишилась единоличного правителя. Как всегда в таких случаях, коллективное правление только расшатывало и ослабляло страну. Верхушка, и без того достаточно удалившаяся уже от народа, еще пуще погрязала в коррупционных скандалах (личный бюджет князя Меншикова превышал бюджет России), злоупотреблениях и разборках между элитами.

Закрепощенная Церковь теперь вынуждена была подчиняться даже не миропомазанному царю, а группе тайных правителей, где и православными были не все.

При следующем императоре, Петре II, дело стало еще хуже. Пришли в упадок армия и в особенности любимый Петром флот, еще сильнее процветали коррупция и казнокрадство. Крестьяне безнаказанно жгли усадьбы помещиков – как, например, в Алаторском уезде, где разбойники спалили село князя Куракина, убили приказчика, сожгли две церкви и больше 200 дворов, – а гарнизона не было, для поимки воров послать было некого.

Тайный совет царь посетил лишь однажды, предпочитая правлению страной веселые забавы и охоту. Всего за пару лет страна пришла в такое состояние, что иностранные посланники писали: *«Все в России в страшном расстройстве, царь не занимается делами и не думает заниматься; денег никому не платят, и Бог знает, до чего дойдут финансы; каждый ворует, сколько может. Все члены Верховного совета нездоровы и не собираются; другие учреждения также остановили свои дела; жалоб бездна; каждый делает то, что ему придет на ум»*. В 1728 году саксонский посланник Лефорт сравнивал Россию в годы правления Петра II с кораблем, который носится по воле ветров, а капитан и экипаж спят или пьянствуют.

Петр II скончался, как было объявлено, от простуды, не оставив потомков или назначенного наследника. На нем дом Романовых пресекался в мужском колене. Он – последний из российских правителей, который был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля. Преподобная Россия к тому моменту, кажется, окончательно растворилась.

Промыслительность петровских преобразований

Да, Петр I оставил после себя смущенное расколотое общество, обессиленную, потерявшую влияние Церковь, поводы для умножения греха и неправды. Из-за установившегося абсолютизма власти расцвели бюрократия, фаворитизм и коррупция. А засилье привезенных Петром иностранцев рождало «тайные общества» – сперва для поддержки друг друга, потом – для заговоров.

Печальна и судьба амбициозной имперской столицы – Петербурга. В ней будто реализовались евангельские строки «...ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14:11).

Город, стремившийся во всем превзойти Европу и действительно во многом превзошедший, все равно остался памятником всем ошибкам этого века, Вавилонской башней нереализованной империи, монументом сворачиванию с пути, намеченного для народа Богом. Премудрость Божия посрамила его многими предупредительными потопами, а под конец его истории – еще и позорным именем крушителя империи: Ленинград.

Неспроста Петербург всегда хранил столько преданий о своей будущей смерти. Самое символичное из них – о том, что под памятником Петру на Сенатской площади спит гигантский доисторический змей. Когда чудовище проснется (или будет разбужено), город будет сокрушен. И, конечно, не случайно, что Петр на коне попирает змею...

Но, всматриваясь в фигуру Петра и его революцию, мы спрашиваем Творца истории: зачем Ты дал нам такого царя?

Пытаясь расслышать ответ на этот вопрос, надо учесть, что Петр все же был великим русским патриотом. Когда он говорил, что жизнь готов положить за Россию, это была чистая правда. Да, он приблизил к себе Лефорта и Брюса, но все же больше, чем к ним, он привязался к Сашке Меншикову – видно, его русская душа тянулась к такому же русаку.

При всей своей неограниченной власти диктатором в классическом понимании Петр все же не был. Ведь диктаторы пользуются властью в личных целях, а Петр употреблял ее на то, чтобы возвеличить и усовершенствовать Россию. И только ради блага России он стремился перенести на ее почву все то, что он считал хорошим в протестантской Европе.

Мы говорили уже об абсолютном равнодушии Петра к религии и нечувствию им Бога. Но Господь и это может управить ко благу.

Георгий Флоровский писал, что если бы Петр был более религиозно-чувствителен, если бы он осознал, что из учения Церкви вырастают и общества, и государства, то он стал бы не бороды брить и заставлять носить немецкие платья, курить табак и плясать на ассамблеях, а перекроил бы катехизис, издал бы новые учебники Закона Божия и заставил бы священников нести в народ учение Лютера – власти у него для этого было предостаточно. Вот тогда бы он действительно сделал нас немцами! И тогда бы подорвал Россию по-настоящему. Но по простоте натуры он заставил нас идти путем внешнего подражания протестантам, что есть намного меньшее зло.

Даже когда Феофан (Прокопович) подталкивал царя к тому, чтобы стать не формально, а де-юре главой Церкви, как сделал Генрих VIII в Англии, насадивший там протестантизм, Петр никак на это не отреагировал. И ограничился тем, что поручил Церковь Синоду. Чиновники ей были не так уж страшны, и она выжила.

Зато в понятной ему материальной сфере Петр сделал очень много полезного: победоносно закончил Ливонскую войну, проигранную его предшественниками; создал регулярную армию; построил русский военный флот, который в битве при Гангуте под его командованием одержал первую победу; упорядочил государственный управленческий аппарат; окончательно уничтожил остатки местничества, поставив личные заслуги выше знатности рода; насаждал заимствованные из Европы технические новинки; поощрял развитие промышленности и т. д.

Вероятно, Петр Великий – тот царь, который был нужен на этом отрезке пути России, – для того, чтобы она продолжала вносить свою лепту в дело Домостроительства Божия. Господь ведь видит больше и шире нашего. Видит сердце человека и сердца человечества. Значит, назрела острая необходимость укрепить «защитную скорлупу» нашей цивилизации, чтобы, возможно, в будущем она не погибла и сумела под этой скорлупой сохранить свое духовное ядро, которого Петр не повредил только потому, что просто его не замечал.

Жития святого митрополита Дмитрия Ростовского – реквием по угасающей русской святости

В Ростове-на-Дону есть памятник митрополиту Дмитрию. Мало кто знает, что этот город – тогда еще просто крепость на Дону – был назван Ростовом в честь св. Дмитрия Ростовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.